

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.46698/VNC.2023.22.15.002

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО В КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 20-Х ГГ. XX В.

Лариса Сослановна Дзудцова, начальник научно-организационного отдела, и.о. ученого секретаря, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0009-0000-0924-3779>; LDzudcova@yandex.ru

В статье рассматривается процесс формирования музейного дела в Северной Осетии в условиях культурной революции и работы идейного аппарата властей в постреволюционном Советском государстве в 20-х гг. XX в. Приведенная в статье информация основана на документах, хранящихся в Центральном государственном архиве РСО-А, ранее не систематизированных и не публиковавшихся. Введение в научный оборот обширного фактологического материала позволяет пролить свет на историю Национального музея РСО-А после Октябрьской революции и до момента окончательного разделения его фондов между Северо-Осетинской и Ингушской автономными областями в 1928 г. В первые годы советской власти возникла необходимость в законодательном регулировании музейного дела и формировании органа, осуществляющего охрану культурных ценностей. В январе 1918 г. было принято постановление о развитии музейного дела, а в 1923 г. в соответствии с декретом ВЦИК и СНЦ в стране в результате проведенных ревизий были определены памятники архитектуры и музейные коллекции, имеющие большое историческое, культурное и научное значение. На территории Северной Осетии в 20-х гг. XX в. одновременно функционировали два краеведческих музея, отличающихся по направлению деятельности. Бывший Терский областной музей, открытый в 1907 г., находившийся в ведении Северо-Кавказского Института Краеведения, изучал в целом горские народы Северного Кавказа, в то время как Музей материальной и духовной культуры осетин при Осетинском научно-исследовательском институте краеведения был сосредоточен на истории, культуре и традициях осетин и пользовался поддержкой местных властей. Постановлением Облисполкома Севе-

ро-Осетинской автономной области за 1926 г. археологические находки, клады, отдельные предметы искусства и старины музейного значения в обязательном порядке передавались в Музей материальной и духовной культуры осетин. Таким образом нормативно было закреплено его значение как государственной структуры, внесшей значительный вклад в сохранение и изучение историко-культурного наследия Осетии.

Ключевые слова: Осетия, музей, научный, краеведение, культура, коллекция, просвещение.

Для цитирования: Дзудцова Л.С. Музейное дело в культурно-просветительской деятельности Северной Осетии в 20-х гг. XX в. // KAVKAZ-FORUM. 2023. Вып. 15(22). С.31-45. DOI: 10.46698/VNC.2023.22.15.002

Введение

20-е гг. XX в. в России ознаменовались строительством молодого советского государства. В первые годы советской власти закладывались идейные и организационные основы советской системы просвещения, призванные утверждать и воплощать новые идеологические ценности. Успешное становление новой власти во многом обусловлено тем, насколько быстро и полно она принимается обществом. Посредником для ее усвоения в 20-30-е гг. стал Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), основной задачей которого в те годы было управление вопросами образования, книгоиздательства, организации культурного досуга, развития библиотечного и музейного дела, охраны исторических памятников, контроль международных культурных отношений и пр. В действительности он проявился ключевой структурой по свершению культурной революции. Надо признать, что в годы гражданской войны и разрухи решения Наркомпроса имели определяющее значение для сохранения культурного наследия. В числе его подразделений, оказывающих существенное влияние на политико-просветительскую и агитационно-пропагандистскую работу в стране, значилось Главное управление политического просвещения Наркомпроса РСФСР (Главполитпросвет) [1, 1].

Одной из ключевых задач, которую приходилось решать властям в Северной Осетии, как и по всей России, было повышение общего уровня культурного развития населения. Безграмотность, особенно в деревне, была вопиющей, и первоначальной задачей властей стала ликвидация безграмотности населения.

Музеи, являющиеся последующим после ликвидации безграмотности этапом просвещения и требующие более подготовленного потребителя и зрителя, почти на десятилетие выпали из фокуса внимания властей. Будучи одним из важнейших элементов культурного развития общества, музей

поначалу с трудом вписывался в общую схему социально-экономического развития страны этих лет, соответственно не учитывались и нужды музеев. С большим пониманием на этом этапе воспринимались пункты ликвидации безграмотности, избы-читальни, библиотеки, хоровые, музыкальные и пр. кружки. Активно развертывались сети курсов для крестьян, большую популярность получили экскурсии-конференции. Особое внимание обращалось на развитие дела деревенских радиоустановок, кино, усиление сети библиотек и тому подобному. На фоне борьбы с общей неграмотностью музей утерял свою культурно-просветительскую функцию и воспринимался в качестве средства агитации для укрепления советской власти, используемый как инструмент поддержки для организации этой работы. О музеях упоминается, в основном, как о вспомогательных средствах при проведении всевозможных съездов, конференций и пр., как общеобразовательной части мероприятия.

Во второй половине 20-х гг. значение музеев для власти Советов возросло, и музейное дело поучает новый импульс к развитию. В Резолюции IV Съезда Политпросветов, проходившего 20-24 мая 1926 г. в Москве (п. 4), прямо говорится, что «при построении плана работы Главполитпросвета обязательно должен быть учтен также и краеведческий материал. Для проработки краеведческого материала необходимо использовать работу местных музеев, с которыми Политпросветы должны держать самую тесную связь» [1, 9]. Съезд поручил Главполитпросвету договориться с Главнаукой о том, чтобы работа местных музеев была в том числе направлена на обслуживание нужд политпросветработы [2, 9].

Также с целью поднятия культурного уровня широких масс населения города в Резолюции поручалось расширить применение методов экскурсионной работы во всех видах, принять меры к большему использованию местных музеев, а кроме того, использовать материал, собираемый на экскурсиях для организации краеведческих уголков в клубах и музеях [2, 12].

Основная часть

В условиях активного преобразования культурной и идеологической жизни общества Терский областной музей, открытый в 1907 г., а затем переданный вновь созданному Северо-Кавказскому Институту Краеведения в 1920 г., продолжал свою работу, не имея средств ни на организацию экспедиций, ни на собирательскую деятельность.

На заседании правления Северо-Кавказского Института Краеведения (СКИК), состоявшемся 10 ноября 1921 г., научный сотрудник Института М.А. Радищев докладывал, что в 1921 г. новых раскопок не проводилось в связи с отсутствием финансирования. Последний раз раскопки проводи-

лись в 1920 г., и деятельность антропо-географического отделения в 1921 г. носила преимущественно музейный характер [3, 2].

На заседании правления Северо-Кавказского Института Краеведения, состоявшемся 17 ноября 1921 г., обсуждался план работ музея, на котором было принято решение реорганизовать музей. Главное здание музея постановили предоставить для этнографических и археологических предметов, в естественно-историческом отделе распределить предметы по биологическим группам, хранителю музея было поручено принять меры к очищению остальных помещений для нужд музея [3, 3].

Уже на следующем заседании правления СКИК, 20 ноября 1921 г., был утвержден план размещения кабинета естественно-исторического отделения Музея. Материал в большом зале решили расположить по различным ландшафтам, начиная от низменных мест до горных, каждую зону проиллюстрировать соответствующими зоологическими и ботаническими предметами. Экспонаты, не относящиеся к изучению края, постановили в будущем отправить в ближайшие города. Пока шла реорганизация экспозиции, музей было решено открывать для посетителей по вторникам, четвергам и воскресеньям. Были составлены правила для посетителей музея, сотрудникам антропо-географического отделения установили дежурство в музее. На том же заседании было решено основать при Музее отдел современности с 1917 г. Текущую работу по собиранию материала и его систематизации поручили члену правления СКИК Мартиросяну Г.К. [3, 4].

Через год отдел современности вырос в Музей Революции. Заведующему Музеем Революции тому же Мартиросяну Г.К. поручено было сделать в Коллегии агитпропаганды Горпарткома доклад о задачах и нуждах этого музея и просить партком помочь институту подыскать подходящее помещение, т.к. настоящее помещение Музея Революции в здании Северо-Кавказского Института Краеведения было непригодно для этих целей. Было возбуждено ходатайство перед инстанциями о систематическом доставлении материалов для музея революции (плакатов, протоколов, изданий, отчетов, фотографий, имеющих историко-революционное значение) [3, 23].

В этот же период во Владикавказе функционировал Горглавмузей, который приказом Наркомпроса от 30 ноября 1921 г. был упразднен с передачей его научных и просветительских функций Северо-Кавказскому Институту Краеведения. Вследствие этого фонды Музея пополнились, возросли и расходы по его содержанию, однако финансирования на содержание коллекции катастрофически не хватало. В связи с неисправностью замков, запоров, витрин и шкафов из Музея стали пропадать экспонаты. Возникла угроза сохранности коллекции Музея. Не хватало средств, необ-

ходимых и на приобретение неоплаченных Музеем экспонатов бывшего Художественного института, также перешедших в ведение СКИК, охрану памятников искусства и древностей, находящихся на территории Горской АССР, на прочие обязательные расходы. С ходатайством изыскать денежные средства для упрочения музейного отдела правление Северо-Кавказского Института Краеведения неоднократно обращалось в Краевой комитет, Народный комиссариат и Наркомпрос РСФСР. Кроме того, для размещения экспонатов Музея требовались дополнительные помещения, которых в СКИК не было.

В качестве нового помещения Музея рассматривалось здание бывшей мужской гимназии. В виду удобного расположения этого здания правление предпринимало попытки получить несколько помещений в нем и главный зал для Музея [3, 14].

До конца 1921 г. был приведен в порядок архив Музея при СКИК, с 1912 по 1920 г. состоящий из более чем 200 папок с ценными старинными документами, картами, рисунками, фотографиями, снимками и бумагами частных лиц. Из архива Музея в библиотеку Института были переданы брошюры и статьи по истории и археологии, документы, а также материалы, имеющие общественно-историческое значение [3, 5].

В следующем году, в связи с нехваткой финансовых средств на проведение археологических экспедиций и на собирание экспонатов, музейное имущество, не имеющее художественного или исторического значения, было распродано. Деньги, вырученные от продажи, было решено употребить на нужды музея [3, 25].

С этой же целью – поправить материальное положение Музея – Северо-Кавказский Институт Краеведения в марте 1923 г. обратился в Наркомпрос Горской АССР с просьбой разрешить ввести в научном музее по примеру Москвы и Петрограда плату с посетителей на следующих основаниях: частные посетители – 2 руб., учащиеся и красноармейцы, являющиеся отдельно – 50 коп., учащиеся и воинские части, являющиеся группами с руководителями и имеющие мандат от своего учреждения на посещение музея – вход бесплатный [4, 71].

В мае 1922 г. в Институт Краеведения обратился заведующий Кабардинским областным музеем с просьбой передать из Музея при Северо-Кавказском Институте Краеведения экспонаты для пополнения коллекции кабардинского музея к предстоящему открытию. В Кабардинский областной музей было передано 10 кинжалов и 5 экземпляров огнестрельного оружия из запаса музейных дубликатов.

Музей был заполнен различными предметами. Требовалось составить инвентарную опись об экспонатах и инвентаре, но отсутствовала ясность

в отношениях между Музеем и Институтом. Фактически Музей функционировал как музейный отдел при Северо-Кавказском Институте Краеведения. Экспонаты, выставленные в Музее, и инвентарь, предназначенный для нужд Музея, необходимо было отделить от Института и передать в ведение Музея, но вопрос о его помещении не был решен. Не было и четко организованной работы Музея. Одни и те же работники выполняли научную работу в Институте и осуществляли музейную деятельность. Зачастую сотрудники могли забрать предметы без ведома руководства для личных нужд, сторожа самовольно отлучались, поручая охрану посторонним лицам [3, 15-16].

С ноября 1922 г. по февраль 1923 г. в Музее проводилась реорганизационная работа. Несмотря на тяжелые условия в неотапливаемых помещениях, научным сотрудникам приходилось выполнять всю черную работу по разборке и переносу витрин, очистке экспонатов от пыли и ржавчины и пр. Неотложность и поспешность реорганизации Музея объяснялась следующими обстоятельствами: до перехода в ведение Института Краеведения Терский областной музей, основанный в 1907 г., накопил значительное число ценных экспонатов, относящихся к археологии, этнографии, местной старине, но они были размещены в залах музея безо всякого плана и соблюдения элементарных требований эстетики. Со временем перехода в ведение Института Краеведения с 1920 г., а также присоединения к нему Горглавмузея в ноябре 1921 г. музейное достояние продолжало расти. Кроме того, музейная коллекция продолжала пополняться благодаря работе сотрудников института и пожертвованиям со стороны различных учреждений и частных лиц. Возникла острая необходимость в реорганизации Музея, но приступить к ней можно было только после ремонта главного здания, крыша которого протекала во время дождей и таяния снега. Вследствие этого наиболее ценные экспонаты были вынесены в нижние залы, а антропо-географическое отделение Музея в начале лета 1922 г. было закрыто для посетителей. Осенью того же года Институт получил от Наркомпроса РСФСР средства на ремонт крыши, который был закончен к началу зимы. Отложить реорганизационную работу до наступления теплого времени было нельзя, т.к. на весну и лето 1923 г. были намечены экспедиции в Осетию, Дигорию и Чечню с участием научных сотрудников для обследования памятников древности. В связи с этим сотрудники Музея приступили в ноябре 1922 г. к реорганизации, преследуя следующие основные цели:

1. Выделить в музейный фонд все экспонаты, не имеющие отношения к краеведению.
2. Распределить остальные экспонаты по обновленному, строго вы-

держанному плану, который должен был придать Музею цельность и законченность.

22 января 1923 г. был открыт для посетителей военно-исторический зал, 18 февраля археологический и этнографический. В дальнейшем продолжилась реорганизация остальных отделов Музея. Военно-историческое отделение, основная реорганизация которого была произведена еще в 1921 г., функционировало все это время исправно [4, 72].

Штат Северо-Кавказского Института Краеведения из-за нехватки финансирования постепенно сокращался и к маю 1923 г. состоял из 10 человек, которые одновременно с работой в Институте обслуживали Музей и читали популярные лекции для посетителей, а к декабрю 1925 г. – из 7 человек. Совет СКИК обратился в Наркомпрос с просьбой о зачислении в штат Института внештатных сотрудников для обслуживания Музея. Просьба была поддержана с отпуском на Институт Краеведения 10 платежных единиц 14 разряда [4, 111].

Средств не хватало и на функционирование самого Института. Из-за крайне тяжелого положения Северо-Кавказского Института Краеведения, проявлявшегося в недостатке средств на неотложные нужды, средства, отпущенные на научный музей, руководство использовало на оплату сотрудников Института Краеведения [5, 41]. Совет Института Краеведения неоднократно ходатайствовал перед Главнаукой о переходе института на государственное снабжение и увеличении средств на Институт и Музей. Вопрос о включении Северо-Кавказского Института Краеведения и музея при нем в сеть госбюджетных учреждений Главнауки решился только в октябре 1924 г. [5, 74].

В это время на Кавказе оживилась краеведческая работа, принимающая форму организации институтов краеведения горских народностей. Постановлением Северо-Осетинского Областного Ревкома от 1925 г. ранее созданное во Владикавказе Осетинское историко-филологическое общество было преобразовано в Осетинский научно-исследовательский институт краеведения (ОНИИ Краеведения), при котором был организован Музей материальной и духовной культуры осетин, обладающий многими ценностями, рукописями, археологическими предметами и пр., но работа Музея тормозилась в связи с отсутствием соответствующего помещения [6, 34].

В том же 1925 г. была создана музейная комиссия, занимающаяся сбором экспонатов для Музея материальной и духовной культуры осетин. На заседании научной коллегии Осетинского научно-исследовательского института краеведения от 28 ноября 1925 г. обсуждался вопрос о хранящихся в Духосошестввенной церкви города Моздока престольном Евангелии с

подписью архиепископа Платона 1771 г. и старинном кресле первого осетинского епископа и составителя первой осетинской азбуки Гая, и о проведении переговоров с настоятелем собора о передаче этих предметов в Музей Института [6, 35].

За 1925 г. сотрудники института сумели собрать коллекцию музейных предметов, экспозицию которой планировалось развернуть, как только институт перейдет в отводимый ему дом, где и будет размещен музей. В коллекцию в числе прочего вошли картины историка и этнографа-кавказоведа, художника И.П. Щеблыкина. Известно, что проводились переговоры с вдовой Елбыздыко Бритаева о передаче рукописей в Музей Института [6, 59-61].

Деятельность во Владикавказе двух музеев – Научного Музея при Северо-Кавказском Институте Краеведения и Музея материальной и духовной культуры осетин при Осетинском научно-исследовательском институте краеведения различалась по исследуемым территориям. Научный музей СКИК охватывал в своей работе всю территорию бывшей Горской республики, занимался исследованием истории населявших ее народов, а Музей материальной и духовной культуры осетин занимался историей осетин и считался областным. Летние экспедиционные исследовательские работы СКИК 1925 г. проводились по согласованию и с участием представителей ОНИИ Краеведения. Вместе с тем при организации совместных работ двух музеев удалось исключить дублирование исследований, как отмечалось на Методическом совещании Главнауки по рассмотрению отчета и производственного плана СКИК от 5 декабря 1925 г., «параллелизма в работах этих учреждений нет» [6, 70].

В то же время ходатайство ОНИИ Краеведения в Главнауку о включении в госбюджет Института и Музея материальной и духовной культуры осетин при нем вызвало его бурное обсуждение на Методическом совещании. Представители Главнауки посчитали целесообразным не распылять средства и усилить СКИК, а Институту осетиноведения (ОНИИ Краеведения) отдать субсидию как обществу, чтобы его финансирование производилось не в ущерб Северо-Кавказского Института Краеведения. Кроме того, было высказано предложение независимо от вопроса о финансировании института решить, нужен ли Институт и можно ли силами осетин организовать работу по изучению национальной культуры в области осетиноведения. Совещанием было решено признать желательным организацию Института осетиноведения как базы строительства национальных культур, ограничив его работу только гуманитарными науками в области изучения осетинского народа [6, 70-72].

Это решение ожидаемо вызвало негативную реакцию ОНИИ Краеве-

дения и инициировало ответное письмо Северо-Осетинского областного отдела народного образования в Главнауку РСФСР, в котором СевОсОблОНО выразило решительный протест против постановления, вынесенного Методическим совещанием. Осетинский научно-исследовательский институт краеведения как самостоятельная национальная краеведческая организация не была связана с Северо-Кавказским институтом краеведения, и СевОсОблОНО посчитал неправомерным решать вопрос о судьбе Осетинского научно-исследовательского института краеведения без присутствия на нем представителей Северной Осетии и, в частности, ОНИИ Краеведения, и расценил постановление как «игнорирование Главнаукой национальных культурно-краеведческих интересов Северной Осетии» [6, 73]. В письме обращалось внимание на то, что Методическое совещание вынесло некорректное постановление, поскольку Северная Осетия просила не об организации Института Осетиноведения, а о принятии на госбюджет Осетинского научно-исследовательского института краеведения с Музеем материальной и духовной культуры осетин.

Дзагуров Г., возглавлявший Северо-Осетинский областной отдел народного образования, в своем письме напомнил, что проходившая в Ростове-на-Дону в июне 1925 г. II краеведческая конференция по просвещению горских народностей постановила ликвидировать Северо-Кавказский Институт Краеведения, а его имущество, в том числе музейную коллекцию, разделить между Осетией и Ингушетией, чтобы укрепить национальные краеведческие организации. Дзагуров Г. в своем письме настаивал, что Северо-Кавказский Институт Краеведения и Научный Музей при нем оправдывали свое существование только до того момента, пока не организуются национальные краеведческие организации, а сейчас потерял смысл своего существования, и это учреждение уже не нужно. В виду изложенных обстоятельств ОсОблоно просил Главнауку РСФСР принять на госбюджет Осетинский научно-исследовательский институт краеведения и закрыть Северо-Кавказский Институт Краеведения как ненужное учреждение, являющееся балластом для народной казны и мешающее развитию и укреплению краеведческих организаций Северного Кавказа [6, 73].

В апреле 1926 г. директор Северо-Кавказского Института Краеведения Виддинов Н.В. телеграммой был вызван в КрайОНО, где заместителем заведующего КрайОНО Алиевым У.Д. было объявлено, что Северо-Кавказский Институт Краеведения и его Научный Музей решено перебросить из Владикавказа в Ростов-на-Дону, сделав их краевыми учреждениями, изучающими преимущественно северо-кавказские горские народности. После слияния Научного музея при СКИК с Донским музеем его планирова-

лось переименовать в «Музей Северо-Кавказских Народов», в работе Музея должно было преобладать изучение культуры горских народов. Алиев У.Д. советовал не протестовать против данного постановления Крайкома. Но поскольку от Главнауки, в непосредственном ведении которой находился Северо-Кавказский Институт Краеведения и его Научный Музей, не поступало никаких распоряжений по данному вопросу, Виддинов заявил Алиеву, что никаких мер по переброске принять не может. Тогда Алиев У.Д. в спешном порядке стал готовить проект Положения о Краевом Институте и Музее, смету этих учреждений по госбюджету, а также план переброски СКИК и его Научного Музея в Ростов.

Здание Донского музея по своим размерам не подходило для размещения объединенного музея. Кроме того, для значительной части экспонатов перевозка была равносильна их гибели, так как они не выдержали бы ни упаковки, ни перемещения на далекое расстояние. Нецелесообразно было прекращать и вполне налаженную культурно-просветительскую работу, которую вел Музей, постоянно ее усиливая и совершенствуя. В 1925 г. Музей принял более 20000 посетителей, которым при посещении ими Музея сотрудниками последнего предлагался цикл лекций по различным отраслям знания. Руководство Института Краеведения довело до сведения Главнауки постановление Крайкома и через различные инстанции пыталось повлиять на решение о ликвидации СКИК, обращалось к властям Северной Осетии о поддержке [6, 134].

Во Владикавказе начались разногласия между Северо-Кавказским институтом краеведения и ОНИИ Краеведения. Причиной несогласия назвалась «великодержавная политика отмежевавшегося от национальностей» [6, 171] СКИК, поведшего самостоятельную работу.

В феврале 1926 г. на пленуме ассоциации Северо-Кавказских горских краеведческих организаций обсуждалась идея сохранения Северо-Кавказского Института Краеведения, национальности же высказывались за уничтожение СКИК и его музея. В результате долгих обсуждений пленум постановил: сохранить Северо-Кавказский Институт Краеведения, освежив его состав, и категорически высказался против разделения музея, национальности же высказывались за его ликвидацию.

Несмотря на попытки директора СКИК и Научного Музея предотвратить ликвидацию Института и слияние Научного музея с Донским музеем, вопрос о реорганизации Северо-Кавказского Института Краеведения все же был вынесен на повестку совещания уездно-консультационной комиссии научного отдела Главнауки от 8 мая 1926 г. В докладе Цитовича А.В. говорилось о необходимости реорганизации Северо-Кавказского Института Краеведения, вызванной тем, что он фактически не удовлетворяет

требованиям, предъявляемым к нему со стороны национальностей, часть которых высказывается за его расформирование и разделение его имущества [6, 171].

В виду признания бывшего Научного Музея во Владикавказе музеем местного значения, то есть музеем Ингушской и Северо-Осетинской автономных областей, музей необходимо было передать в ведение указанных областей. В связи с этим в музейный отдел Главнауки от 13 ноября 1926 г. поступила просьба Северо-Кавказского Крайисполкома сделать распоряжение бывшему директору Северо-Кавказского Института Краеведения во Владикавказе и заведующему Музеем Виддинову о немедленной сдаче дел Музея Ахриеву, которого предлагалось утвердить временным заведующим Ингушско-Осетинским Объединенным Музеем в городе Владикавказе.

Одновременно было запрошено распоряжение о слиянии бывшего Донского музея со вновь организуемым Краевым Музеем Народов Северного Кавказа в Ростове-на-Дону, которому отходила некоторая часть музейных фондов [7, 34].

На заседании от 16 ноября 1926 г. Малый Совнарком постановил организовать Краевой горский институт краеведения в Ростове-на-Дону с принятием его на госбюджет и с переносом ему госкредитов Северо-Кавказского Института Краеведения. На следующий день, 17 ноября 1926 г., на совещании в Главнауке под председательством заведующего научным отделом В.А. Костицына было поручено представить план работ, положение и штаты нового Ингушско-Осетинского Музея. До их представления было решено образовать временное правление Ингушско-Осетинского Музея в составе: директора Ахриева, зам. директора Дзагурова и члена правления бывшего музея при СКИК Мартиросяна. Виддинову было предложено сдать дела Музея временному правлению. Штат временного Ингушско-Осетинского музея был определен из 8 штатных единиц (4 научных и 4 технических). Расходы по его содержанию были включены в бюджеты Ингушетии и Осетии в объеме не ниже прошлогоднего (1925-1926 гг.) объемов, то есть около 7532 руб. Ингушско-Осетинский музей организовывался как временное учреждение, фонды которого впоследствии были разделены между Северной Осетией и Ингушетией [7, 31].

В это же время со своими трудностями столкнулись Осетинский научно-исследовательский институт краеведения и Музей материальной и духовной культуры осетин. Научный отдел Главнауки не нашел возможности их финансирования из средств госбюджета наряду с параллельным существованием во Владикавказе Северо-Кавказского Института Краеведения, уже находящегося на гособеспечении, и предлагало ОНИИ Краеведения

войти в СКИК в качестве осетинской секции. Однако руководство ОНИИ Краеведения рядом своих выступлений в Главнауке и на пленуме совета горских краеведческих организаций сумело отстоять свою самостоятельность. Дальнейшими задачами института стали: перевод ОНИИ Краеведения и Музея материальной и духовной культуры осетин на госбюджет с утвержденными штатами и достаточным объемом финансирования, освобождение отведенного под Институт и Музей помещений, оформление правового статуса Института и привлечение квалифицированных научных работников, не совмещающих работу в других учреждениях. Кроме того, в случае ликвидации СКИК и его Научного Музея неотложной задачей стало получение из его имущества и музейной коллекции того, что по праву принадлежало осетинскому народу [6, 138].

Находившийся в стадии ликвидации СКИК и научный музей при нем уже не отвечали интересам изучения истории и культуры Осетии, по этим причинам Северо-Осетинскому научно-исследовательскому институту краеведения и Музею материальной и духовной культуры осетин в соответствии с Обязательным постановлением Облисполкома Северо-Осетинской автономной области от 25 марта 1926 г. № 29 «Об охране памятников искусства старины и природы» были переданы вопросы сохранности памятников старины. В постановлении, в частности, было закреплено:

«Все находки, клады и отдельные предметы археологического значения, случайно обнаруживаемые при земельных работах или на поверхности земли при размывах и пр. должны были обязательно сдаваться в ближайшие сельсоветы и окружные исполкомы для передачи в Музей Северо-Осетинского научно-исследовательского института краеведения.

Все предметы искусства и старины музейного значения и т.п., по своему положению являющиеся или имуществом бесхозным, или находящимся в чьем-либо хозяйственном использовании, без предварительного на то согласия Северо-Осетинского научно-исследовательского института краеведения в случаях их обнаружения должны были обязательно передаваться в ведение и распоряжение Института»¹ [6, 124].

Заключение

До революции единственный в Терской области Областной музей находился в ведении Терского статистического комитета, а впоследствии был передан под управление Терского казачьего войска. В то время в стране отсутствовали законодательные акты, упорядочивающие деятельность музеев и охрану памятников архитектуры и историко-культурного наследия.

Первые годы советской власти показали необходимость законодательного регулирования музейного дела и формирования органа, осуществляющего охрану культурных ценностей.

Постановление о развитии музейного дела было принято в январе 1918 г. В 1923 г. в соответствии с декретом ВЦИК и СНК РСФСР «Об учете и регистрации предметов искусства и старины» в целях определения памятников, коллекций и предметов, имеющих большое историческое, культурное и научное значение, в стране была проведена ревизия памятников архитектуры и музейных коллекций. Для пополнения государственной казны часть ценностей была вывезена за рубеж и распродана.

Кроме того, с 1923 г. музеям было разрешено продавать различные предметы из фондов музея. В условиях разрухи и острой нехватки финансовых средств это зачастую становилось для музеев единственным способом выжить. Через аукционы и антикварные магазины по всей стране было реализовано большое количество предметов, отнесенных к категории не имеющих большого историко-культурного значения, что привело к утере значительной части музейных фондов.

Музей материальной и духовной культуры осетин при Осетинском научно-исследовательском институте краеведения, деятельность которого была направлена на исследование вопросов истории, культуры и традиций осетин, в эти годы было учреждением, активно способствовавшим сохранению историко-культурного наследия прошлого. Поддержка местных властей и нормативное закрепление за ОНИИ Краеведения и Музеем материальной и духовной культуры осетин полномочий по учету, охране и исследованию памятников искусства и предметов старины в Северной Осетии в условиях нестабильного политического и социально-экономического положения страны явились одними из ключевых факторов, содействовавших сохранению памятников истории и культуры, изучению историко-культурной среды обитания и развитию культурно-национальной самобытности Осетии.

Примечание:

1. Обязательное постановление Облисполкома Северо-Осетинской автономной области от 25 марта 1926 г. №29 «Об охране памятников искусства старины и природы», п. 11, п. 12.

1. Андрианова Н.Ю. Роль Наркомпроса как идеологического центра в советской России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Междуна-

родные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. №7 (129). С. 245-255.

2. Центральный государственный архив РСО-А (ЦГА РСО-А). Ф. 124. Оп. 1. Д. 596.

3. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3а.

4. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1.

5. ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 4а.

6. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 8.

7. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 39.

MUSEUM WORK IN THE CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF NORTH OSSETIA IN THE 20-s OF THE XX-th CENTURY.

Dzudtsova, Larisa S. – head of the Scientific and Organizational Department, Acting Scientific Secretary Vladikavkaz Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0009-0000-0924-3779>; LDzudcova@yandex.ru

Keywords: *Ossetia, museum, scientific, local history, culture, collection, education.*

The information presented in the article is based on the documents stored in the Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Asia, which have not previously been systematized or published. The introduction of extensive factual material into scientific circulation allows us to shed light on the history of the National Museum of North Ossetia-Asia after the October Revolution and until the final division of its funds between the North Ossetian and Ingush Autonomous Regions in 1928. In the first years of the Soviet power, a need arose for legislative regulation of museum affairs and the formation of a body responsible for the protection of cultural property. In January 1918, a decree was adopted on the development of museum affairs, and in 1923, in accordance with the decree of the All-Russian Central Executive Committee and the SNTs, as a result of audits carried out in the country, architectural monuments and museum collections of great historical, cultural and scientific significance were identified. On the territory of North Ossetia in the 20-s of the XX-th century at one and the same time, two local history museums were operating, differing in their areas of activity. The former Terek Regional Museum, opened in 1907, administered by the North Caucasus Institute of Local History, studied the mountain peoples of the North Caucasus in general, while the Museum of Material and Spiritual Culture of the Ossetians at the Ossetian Research Institute of Local History, focused on history, culture and traditions of the Ossetians and enjoyed the support of local authorities. By decree of the Regional Executive Committee of the North Ossetian Autonomous Region in 1926, archaeological finds, treasures, individual objects of art and antiquities of museum significance were necessarily transferred to the Museum of Material and Spiritual Culture of Ossetians. Thus, its significance as a state structure that

made a significant contribution to the preservation and study of the historical and cultural heritage of Ossetia was normatively established.

For citation: *Dzudtsova, L.S. Museum work in the cultural and educational activities of North Ossetia in the 20-s of the XX-th century. KAVKAZ-FORUM. 2023, iss. 15(22), pp. 31-45. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.22.15.002*

References

1. Andrianova, N.Yu. *Rol' Narkomprosa kak ideologicheskogo tsentra v sovetskoi Rossii* [The role of Narkompros as an ideological center in Soviet Russia]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political science. Story. International relationships. Foreign Regional Studies. Oriental studies]. 2014, no. 7(129), pp. 245-255.
2. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv RSO-A (TsGA RSO-A)* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RNO-A)]. Fund 124. Inventory 1. Case 596.
3. *TsGA RSO-A* [CSA RNO-A]. Fund 126. Inventory 2. Case 3a.
4. *TsGA RSO-A* [CSA RNO-A]. Fund 124. Inventory 1. Case 1.
5. *TsGA RSO-A* [CSA RNO-A]. Fund 126. Inventory 2. Case 4a.
6. *TsGA RSO-A* [CSA RNO-A]. Fund 124. Inventory 1. Case 8.
7. *TsGA RSO-A* [CSA RNO-A]. Fund 124. Inventory 1. Case 39.